

И. Н. Мочалова

АРИСТОТЕЛЕВСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ ПЛАТОНА, ИЛИ БЫЛА ЛИ У ПЛАТОНА НЕПИСАННАЯ ФИЛОСОФИЯ

Спор о том, была ли у Платона неписаная философия, длится уже не одно десятилетие, но сегодня, думается, он так же далек от разрешения, как и более полувека назад, когда эта проблема, словно волной революционного взрыва, была вынесена на гребень платоноведения.

Проблема «неписаного» учения Платона и раньше существовала в кругу платоновских проблем, так как сохранились античные свидетельства о внутриакадемической деятельности Платона. От поздней античности и вплоть до конца XVIII в. существование устного эзотерического учения Платона не подвергалось сомнению. Его анализировали такие крупные ученые XIX в., как К. Германн, Э. Целлер, У. Виламовиц-Меллендорф, П. Фридендер и др., но, признавая эзотеризм бесспорным фактом биографии Платона, они не рассматривали его как проблему кардинально важную для понимания всего платоновского творчества, разделяя концепцию «нейтральности» эзотерических учений Платона, развитую Э. Целлером и ставшую эталоном суждений о платоновском эзотеризме в XIX — начале XX в.

Причиной внимания к устному Платону во второй половине XX в. стало осознание неудачи: несмотря на огромную исследовательскую работу, задача, поставленная еще Ф. Шлейермахером, оказалась неразрешимой — тщательный анализ диалогов так и не позволил раскрыть скрытую от глаз исследователей систему философии великого Платона. Уверенность в существовании такой системы и стремление найти ее и привели к смене координат поиска. Для молодых последователей В. Шадевальда — Ганса Йоахима Кремера и Конрада Гайзера исследовательским пространством становится устное эзотерическое творчество Платона как выражение подлинных взглядов мыслителя¹. И хотя за прошедшие полвека взгляды тюрбингенцев претерпели определенную эволюцию, в главном они остались неизменными: подлинный Платон — это создатель устного учения, предназначавшегося ближайшим ученикам и лишь в качестве неясных непосвященному намеков содержащегося в диалогах. Несмотря на радикализм,

¹ *Krämer H. J. Arete bei Platon und Aristoteles. Zum Wesen und Geschichte der platonischen Ontologie. Heidelberg, 1959; Gaiser K. Platons Ungeschriebene Lehre. Stuttgart, 1963.*

подход тюрингенцев нашел целый ряд сторонников и последователей как в Германии, так и за ее пределами, а сама концепция неписаной философии для многих историков античной философии приобрела статус неоспоримого факта.

Проблема неписаной философии Платона в отечественном контексте

В то время как западные платоноведы в революционном порыве собирали, публиковали и «читали» неписаного Платона, отечественные исследователи, даже не прислушиваясь к идущим на Западе баталиям, готовили к публикации Платона писаного. Выход в 1968 г. первого тома сочинений Платона, безусловно, открыл новую страницу отечественного платоноведения. На ней рядом с именем великого древнегреческого мыслителя стояло имя его главного отечественного читателя и толкователя — А. Ф. Лосева². Произведения Платона он понимал скорее как «обширную лабораторию мысли», живую «диалектику мифологии», чем определенного рода систему. Для Лосева Платон был чем-то еще не совершенным, не законченным, только «зародышем платонизма», о котором, полагал Лосев, можно судить, только имея в виду законченный организм. Поэтому не скудные свидетельства об устном учении, а трактаты Плотина и Прокла должны были, по мысли Лосева, определять правильное чтение Платона. Именно «лосевский» Платон на несколько десятилетий стал, а для многих и сегодня остается единственным подлинным Платоном.

Однако монолитным, как кажется на первый взгляд, советское платоноведение не было. Фигурой, создавшей другого Платона, Платона — философа понятий и диалектика, был В. Ф. Асмус. Не считая себя специалистом-платоноведом, Асмус видел задачу в том, чтобы вполне в духе советской марксистско-ленинской традиции раскрыть идеалистическую диалектику Платона как «предшественницу идеалистической диалектики Гегеля»³. Реализация такой задачи оставляла за скобками все новейшие достижения платоноведения, но делала «Платона Асмуса» удобным образцом для тиражирования на страницах многочисленных вузовских учебников по философии и истории философии.

Открытием неписаной философии Платона для советских читателей стала опубликованная в 1977 г. в «Вопросах философии» статья Т. В. Васильевой «Неписаная философия Платона»⁴. Автору удалось не только раскрыть историю вопроса, но и показать всю сложность проблемы и неоднозначность предложенных решений, что делало очевидной необходимость специальных исследований. Однако, несмотря на то что с середины 90-х годов лосевско-асмусовская традиция во многом теряет

² Платон. Сочинения: В 3 т. / Под общ. Ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1986–1972. Первый том открывала обширная концептуальная статья Лосева «Жизненный и творческий путь Платона», Лосев же бы автором вводных статей к большинству диалогов Платона. Перу Алексея Федоровича принадлежала и статья «Платон» в Философской энциклопедии (Лосев А. Ф. Платон / Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 262–269), что придавало ему статус официально признанного автора.

³ Асмус В. Ф. Платон. М.: Мысль, 1969 (Серия «Мыслители прошлого»). С. 232.

⁴ Васильева Т. В. Неписаная философия Платона // Вопросы философии. 1977. №11. За статьей Васильевой последовал ряд публикаций, посвященных анализу многочисленных западных работ на эту тему.

свою актуальность, становясь фактом истории, проблематика неписаной философии не вызывает интереса у отечественных исследователей⁵.

Отличительная черта современного историко-философского процесса в России — активное участие в нем западных ученых. Появившиеся во множестве переводы их работ, в том числе и исследований философии Платона, существенно изменили картину платоноведения в России, прежде всего дав слово сторонникам неписаной философии. Среди них можно назвать таких крупных исследователей, как Дж. Реале, Т. Слезак⁶, Дж. Диллон⁷, уверенных, что «письменный» Платон «должен читаться под знаком Платона “бесписьменного”»⁸.

Громкие и уверенные заявления эзотеристов, с одной стороны, и традиционное для отечественной традиции отсутствие исследовательского интереса к проблеме неписаной философии Платона — с другой, приводят к ложному утверждению неписаной философии Платона в качестве доказанного исторического факта и создают уверенность в безальтернативности тезиса о неписаной философии как вершине творчества Платона. В этой ситуации критическая рефлексия оснований эзотерической традиции и обсуждение полученных результатов представляются необходимыми независимо от позиции исследователя.

Предлагаемый ниже анализ — скорее постановка проблемы, нежели обоснованный ответ на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, что, очевидно, требует более тщательного исследования.

Платон мне друг, но истина дороже

Признавая пропедевтический характер платоновских диалогов и полагая, что свою систему Платон излагал лишь в устных беседах, эзотеристы оказались вынуждены полностью довериться Аристотелю как практически единственному свидетелю устного учения, чьи записи до нас дошли. В этом случае нельзя не задать вопрос о доверии Аристотелю как свидетелю. Ответ на него невозможен без понимания отношений между Платоном и Аристотелем, характер которых во многом должен был определять и характер отношения Аристотеля к творчеству Платона.

Проведенный И. Дюрингом анализ дошедших до нас немногочисленных сведений об отношениях между Платоном и Аристотелем показал, что все они представляют

⁵ В качестве исключения можно назвать работы: *Мочалова И. Н. Метафизика ранней академии и проблемы творческого наследия Платона и Аристотеля // АКАДНМЕИА. Материалы и исследования по истории платонизма / Под ред. А. В. Цыба. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. С. 226–348; Мезяц С. В. Учение Платона об идеях-числах (Приложение. Избранные свидетельства об устном учении) // Космос и душа (Выпуск второй). Учения о природе и мышлении в Античности, Средние века и Новое время / Под ред. А. В. Серегина. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 29–82.*

⁶ *Слезак Т. А. Как читать Платона / Пер. с нем., предисл. и примеч. М. Е. Буланенко. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 12.*

⁷ *Диллон Дж. Наследники Платона: исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н. э.) / Пер. с англ. Е. В. Афонасина. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. Гл. Интеллектуальное наследие Платона (С. 28–42).*

⁸ *Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность / Пер. с итальянского С. Мальцевой. М.: Петрополис, 1994. С. 99–100.*

собой результат осмысления текстов Аристотеля⁹. Критика Платона, имевшая место во многих сочинениях Аристотеля, рождала сравнение Аристотеля с жеребенком, брыкающим свою мать (D. L. V 2), становилась основанием слухов о его недружественном поведении по отношению к учителю; слухам легко верили, сочиняя различные истории. Таков, например, рассказ Элиана о вражде между Аристотелем и Платоном, когда дерзкое и непочтительно поведение Аристотеля, в злобе и с заносчивостью задававшего вопросы, желая как-то изболочить Платона, заставило Платона покинуть привычное для преподавания место (*Aelian. Var. Hist.* III 19, пер. С. В. Поляковой). В результате складывается весьма противоречивая характеристика отношений двух мыслителей. Показательный пример находим у Диогена Лаэртия, который, с одной стороны, характеризует Аристотеля как «самого преданного (γνησιώτατος) из учеников Платона», с другой — подчеркивает, что «от Платона он отошел еще при жизни» (D. L. V 1–2).

Основание для такой противоречивой оценки тоже можно найти у Аристотеля; в частности, речь может идти о ставшем знаменитом тезисе из «Никомаховой этики». Не считая для себя возможным согласиться с платоновским учением об идеях, Аристотель утверждает, что долг — «ради спасения истины отказаться даже от дорогого и близкого, особенно если мы философы. Ведь хотя и то и другое дорого, долг благочестия — истину чтить выше» (*Arist. E. N.* 1096a15–18, пер. Н. В. Брагинской). Утверждая так, Аристотель, даже не соглашаясь с Платоном, поступал как его преданный ученик, ибо и для Платона не было ничего ценнее истины¹⁰.

Тексты Аристотеля убеждают в том, что в подавляющем большинстве случаев он уверен в собственной правоте, и это дает ему право на критику. Однако чтить истину — значит не только критиковать за ошибки, но и, учась на ошибках, исправлять их, отличая правильное от ошибочного. Так, уже в Академии начинает формироваться своеобразный полемический метод Аристотеля, представляющий, с одной стороны, критику ошибочных, с его точки зрения, взглядов, а с другой — указание на правильные, пусть и частично, мнения с целью обоснования собственных как наиболее истинных. В качестве примера использования этого метода приведу фрагмент из первой книги так называемой «Большой этики», по мнению Ф. Дирльмайера в качестве учебника написанной Аристотелем еще в Академии¹¹. Следуя своему методу, Аристотель начинает с анализа мнения предшественников: «Первым взялся говорить о добродетели Пифагор, но рассуждал неправильно... Потом пришел Сократ и говорил о добродетели лучше и полнее, однако тоже неверно... После него Платон верно разделил душу на разумную и неразумную части, каждую часть наделив подобающими добродетелями. До сих пор у него все хорошо, но после этого — опять неверно... Теперь, после них, посмотрим, что мы сами должны говорить об этих вещах» (*Arist. M. M.*, 1182a12–27, пер. Т. А. Миллер).

На этом примере хорошо видно, что обращение к другим философам необходимо Аристотелю для обоснования собственных взглядов на тот или иной предмет, его чтение — всегда заданная исследуемой проблематикой полемическая интерпретация.

⁹ *During I.* Aristotle in the ancient biographical tradition. Goteborg, 1957. P. 315–336.

¹⁰ Ср., напр.: «Нельзя ценить человека больше, чем истину» (*Plat. Resp.* 595c3).

¹¹ *Dirlmeier Fr. Einleitung / Aristoteles. Magna moralia.* Berlin, 1973. S. 147.

Очерк философии Платона в контексте учения о началах

Один из наиболее значимых текстов Аристотеля, в котором, по мнению эзотеристов, изложены основные положения неписаной философии Платона — это шестая глава первой книги «Метафизики» (*Arist. Met.* 987a29–988a17 = *Test. Plat.* 22 A Gaiser = *Fr.* III b9 Kramer). В ней представлены три основных учения, составляющие эзотерическую метафизику: учение о двух высших началах — Едином и Двоице («большое и малое»), учение об идеях-числах и учение о математических предметах как промежуточных между эйдосами и чувственно воспринимаемыми вещами. Поскольку таких учений нет в диалогах Платона, можно сделать вывод о том, что именно их излагал Платон, беседуя с ближайшими учениками. Такой вывод кажется весьма логичным, и многими утверждается в качестве безусловного.

Однако бесспорным этот вывод остается только до тех пор, пока мы не рассматриваем его в контексте всей 6 главы. В первой ее части (*Arist. Met.* 987a29–987b14), раскрыв влияние Кратила, Гераклита и Сократа на формирование воззрений Платона, Аристотель излагает его учение об идеях: «все чувственно воспринимаемое, говорил он, существует помимо них и именуется сообразно с ними, ибо через причастность (κατὰ μέθεξις) эйдосам существует все множество одноименных с ними [вещей]» (987b8–9). Именно такое учение об идеях мы обнаруживаем в целом ряде диалогов, кроме того, сам Аристотель трижды связывает его непосредственно с «Федоном» (*Arist. Met.* 991b3–4; 1080a2–3; *De Gener. et Cor.* 335b10–15).

Возникает вопрос, зачем, если Аристотель знает подлинное учение Платона, излагать учение диалогов, играющих, как утверждают эзотеристы, лишь протрепетическую роль? В рамках эзотерической традиции этот вопрос остается без ответа. Более того, ни в одном из известных нам сочинений Аристотель не противопоставляет учения диалогов устным учениям¹², сама письменная фиксация которых, учитывая приписываемую эзотеристами Платону убежденность в ценности именно устного учения, вызывает много вопросов. Отсутствие объяснения этой трудности рождает сомнение в концепции неписаной философии в целом.

Однако логика шестой главы становится понятной, если допустить, что в первой части мы имеем дело с непосредственным изложением учения Платона, а во второй — с его аристотелевской интерпретацией, необходимой, если учесть общий замысел первой книги¹³. А именно, в первой книге Аристотель продолжает разработку учения о четырех началах-причинах, начатую им в первых двух книгах «Физики», на которые он сам и ссылается (*Arist. Met.* 983b ; 988a22)¹⁴. Первые книги как «Физики», так

¹² В «Физике» Аристотель, анализируя взгляды Платона на материю и пространство, упоминает о так называемых «неписанных учениях» (ἀγράφοις δόγμασι) Платона (*Arist. Phis.* 209b13–16), причем, сопоставляя «Тимей» и «неписанные учения», отметив терминологические различия, Аристотель подчеркивает их тождественность в этом вопросе по содержанию. Это характерно для всей античной традиции в целом: противопоставление в ней диалогов устным учениям Платона отсутствует.

¹³ Наиболее последовательно и аргументированно позицию антиэзотеристов отстаивал Гарольд Чернисс: *Cherniss H. Aristotle's Criticism of Plato and Academy.* Baltimore, 1944. Vol. I; *Cherniss H. The Riddle of the Early Academy.* Berkely Los Angeles, 1945. Представленная в статье интерпретация во многом есть развитие идей Г. Чернисса.

¹⁴ В свою очередь, в «Физике» (192b1) Аристотель указывает на планируемое исследование начала как формы в рамках первой философии. Таким образом, оба текста оказываются связанными

и «Метафизики» отражают прежде всего стремление Аристотеля к историческому обоснованию собственной концепции. Он убежден, что необходимо привлечь тех, кто раньше обратился к исследованию существующего и размышлял об истине. «Ведь ясно, что и они говорят о некоторых началах и причинах. Поэтому если мы разберем эти начала и причины, то это будет иметь некоторую пользу для настоящего исследования; в самом деле, или мы найдем какой-нибудь другой род причин, или еще больше будем убеждены в истинности тех, о которых говорим теперь» (*Arist. Met.* 983b3–6). Таким образом, работу с традицией Аристотель организует так, чтобы исторические источники подтвердили истинность его положений. Используя уже разработанный полемический метод, Аристотель классифицирует и систематизирует материал, по сути создавая реконструкцию истории концепции четырех начал-причин, призванной сделать ее еще более убедительной.

Можно предположить, что потребность в таком обосновании была вызвана полемикой, развернувшейся в середине IV в. до н. э. в Академии вокруг понимания ἀρχή как ключевого понятия новых онтологических моделей. Их появление стало следствием длительной дискуссии об идеях, завершившейся отказом учеников Платона — Спевсиппа, Ксенократа и Аристотеля и некоторых других — от признания онтологической первичности общего, или эйдосов как родо-видовых понятий.

Предложенный Ксенократом принцип «часть раньше целого по природе» (τὰ δὲ μέρη πρότερα τοῦ ὅλου τὴν φύσιν) стал основанием для формирования новой концепции начала как элемента. Сохранившиеся свидетельства и фрагменты сочинений Спевсиппа и Ксенократа и предпринятый Аристотелем их критический анализ показывают, что под началом академики стали понимать элемент — единый, малый, простой, неделимый и общий (универсальный), поскольку в соответствии с перечисленными характеристиками он оказывался присущ многим. Такое начало рассматривалось как первое по природе (*Arist. Met.* 1059b30), т. е. то, что в случае уничтожения упраздняет все, началом чего является (*Arist. Met.* 1059b39–1060a1). Будучи простым и неделимым, элемент не мог быть тождественным тому, началом чему он был (*Arist. Met.* 1070b2–6). Имея в виду эту академическую концепцию, Аристотель формулирует ее следующим образом: «Начало и причины должны быть вне тех вещей, началом которых являются, т. е. быть в состоянии существовать отдельно» (*Arist. Met.* 999a16–19). С точки зрения Аристотеля, способностью существовать отдельно, или иначе, быть существующим самим по себе, самостоятельно (καθ' αὐτό), может характеризоваться только сущность, ибо «существовать отдельно (τὸ χωριστόν) и быть определенным нечто больше всего свойственно сущности» (*Arist. Met.* 1029a27–28; ср.: 1017b24–25).

Предложенное Спевсиппом и Ксенократом понимание начал делало знание начал наиболее ценным знанием, или мудростью. Именно с анализа этой концепции мудрости начинает Аристотель первую книгу «Метафизики», причем, определяя так мудрость, он ссылается не только на собственную «Этику», но и апеллирует к «общему мнению», подчеркивая этим широкое распространение в Академии понимания мудрости как науки о началах (*Arist. Met.* 981b27–29a2, b2; ср.: 1059b18; *Arist. Protr.* fr. 33 During).

Повышенный интерес в Академии к учению о началах придавал особую значимость историческому экскурсу, призванному подвести черту под сделанным и показать

ми и, вероятнее всего, первая и вторая книги «Физики» и первая книга «Метафизики» написаны во второй половине 50-х гг. IV в. до н. э. (датировка И. Дюринга: *During I. Aristoteles. Darstellung und Interpretation seines Denkens.* Hdlb., 1966).

важность дальнейших шагов уже самого Аристотеля. Вписать в эту академическую историю Платона было задачей непростой, но чрезвычайно важной, ибо делало легитимной саму стратегию поиска начал в Академии.

Аристотелю необходимо было ответить на вопрос, «как Платон объяснил себе предмет нашего исследования» (988a7–8), или иначе, о каких началах учил Платон. На первый взгляд ответ кажется очевидным: для Платона в качестве начал выступают идеи. Однако, мы можем это утверждать лишь в том случае, если под началами будем понимать образцы, уподобляясь которым возникают вещи. Но если под началом понимать элемент, из которого все возникает, то идеи-образцы началами быть уже не смогут. «...все остальное не может происходить из эйдосов ни в одном из обычных значений “из”, — убежден Аристотель. Говорить же, что идеи — “образцы” (παράδειγμα) и что все остальное им причастно (μετέχειν), — значит пустословить и говорить поэтическими иносказаниями» (*Arist. Met.* 991a19–22).

Если идеи не есть начала, то поиск начал становится поиском начал идей, с необходимостью приводя к иному, неплатоновскому, их толкованию¹⁵. Аристотель не был здесь первопроходцем, вероятнее всего, этим путем несколько раньше пошел Ксенократ, предложив концепцию эйдетических чисел, или идей-чисел¹⁶. По мнению Ксенократа, идеи не могут быть общими понятиями, так как общие понятия как целое не имеют самостоятельного существования и зависят от своих частей (*Xenokr. fr.* 37, 38, 42, 53 Heinze). Аристотель был согласен с ним — «Если идеи не числа, то они вообще не могут быть» (*Arist. Met.* 1081a12–13). Действительно, иной вариант вел вообще к отказу от идей, что и было сделано Спевсиппом¹⁷.

Признание идей числами позволило справиться с главной трудностью — найти у Платона материальную причину, признав в качестве таковой — двоицу большое и малое. Так Платон возглавил список тех, кто «говорит о начале как материи» (*Arist. Met.* 988a24–31). С историческим бэкграундом так называемой формальной причины (сутью бытия вещи и сущностью — τὸ δὲ τί ἦν εἶναι καὶ τὴν οὐσίαν) было не так просто. Как пишет Аристотель, «ее никто отчетливо (σαφῶς) не объяснил» (988a35). Отождествление идей с числами позволило ему в качестве таковой назвать Единое, что полностью соответствовало академическим концепциям — для идей-чисел единое было формальным началом. Однако, с точки зрения Аристотеля, единое не могло быть сутью бытия чувственных вещей. Поэтому, когда он пишет, что о формальной причине говорят скорее те, «кто признает эйдосы», под эйдосами Аристотель понимает не эйдосы-числа, а эйдосы-понятия. Именно этот аспект интересует Аристотеля в XIII книге, в четвертой главе которой он рассматривает «само учение об идеях,

¹⁵ Дополнительным аргументом в пользу предложенной интерпретации может служить четвертая глава 13-й книги *Метафизики*, содержащая, правда, без упоминания имени Платона, практически дословное воспроизведение части шестой главы 1-й книги. Однако цели 13-й книги и, в частности, четвертой главы иные; как следствие, в связи с Платоном Аристотель рассматривает только эйдосы как существующее отдельно общее.

¹⁶ Именно отождествление идей и чисел, или, говоря словами Аристотеля, «признание природы эйдосов и чисел одной и той же», подчеркивает Аристотель в качестве отличительной черты философии Ксенократа (*Xenokr. fr.* 34: *Arist. Met.* 1028b24, 1069a33, 1076a19, 1080b21, 1083b2, 1086a5; *sr.* *fr.* 30–31, 33, 35–36 Heinze).

¹⁷ Дважды в «Метафизике» Аристотель повторяет, что Спевсипп отказался от идей, видя всю неудовлетворительность и надуманность учения об эйдосах (*Speus. fr.* 35 Taran), «видя имеющиеся трудности относительно идей» (*Speus. fr.* 36 Taran).

не связывая их с природой чисел» (1078b10–11). В этом контексте, по существу не меняя логику рассуждения, знакомую нам по первой книге, Аристотель обращает внимание на Сократа, выводя его в качестве первого, занявшегося поисками начала как сути вещи, ибо «начало для умозаключения — это суть вещи» (1078b24).

Таким образом, мы видим, что именно стремление вписать Платона в традицию как старшего друга, несмотря на ошибки, идущего в правильном направлении к истине, определяет логику очерка философии Платона в первой книге «Метафизики». Polemический метод не позволяет Аристотелю совсем отказаться от критики, но в целом ему удается раскрыть философию Платона как учение о причинах-началах — причине сути вещи и материальной причине. Трудно сказать, как мог оценить такой текст о себе Платон — слишком разными были языки, на которых говорили два великих мыслителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус В. Ф. Платон. М.: Мысль, 1969 (Серия «Мыслители прошлого»).
2. Васильева Т. В. Неписаная философия Платона // Вопросы философии. 1977. №11.
3. Диллон Дж. Наследники Платона: исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н. э.) / Пер. с англ. Е. В. Афонасина. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005.
4. Лосев А. Ф. Платон / Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 262–269.
5. Месяц С. В. Учение Платона об идеях-числах (Приложение. Избранные свидетельства об устном учении) // Космос и душа (Выпуск второй). Учения о природе и мышлении в Античности, Средние века и Новое время / Под ред. А. В. Серегина. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 29–82.
6. Мочалова И. Н. Метафизика ранней академии и проблемы творческого наследия Платона и Аристотеля // ΑΚΑΔΗΜΕΙΑ. Материалы и исследования по истории платонизма / Под ред. А. В. Цыба. СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2000. С. 226–348.
7. Платон. Сочинения: В 3 т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1986–1972.
8. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность / Пер. с итальянского С. Мальцевой. М.: Петрополис, 1994.
9. Слезак Т. А. Как читать Платона / Пер. с нем., предисл. и примеч. М. Е. Буланенко. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008.
10. Cherniss H. Aristotle's Criticism of Plato and Academy. Vol. I. Baltimore, 1944.
11. Cherniss H. The Riddle of the Early Academy. Berkely-Los Angeles, 1945.
12. Dirlmeier Fr. Einleitung / Aristoteles. Magna moralia. Berlin, 1973.
13. During I. Aristotle in the ancient biographical tradition. Goteborg, 1957.
14. During I. Aristoteles. Darstellung und Interpretation seines Denkens. HdL., 1966.
15. Gaiser K. Platons Ungeschriebene Lehre. Stuttgart, 1963.
16. Krämer H. J. Arete bei Platon und Aristoteles. Zum Wesen und Geschichte der platonischen Ontologie. Heidelberg, 1959.